

Ничего интересного не случилось после того, как я ввязался в дело "Белых Масок", пока не дошло до обоих моих ушей. Не было никаких знаков, и люди, которые знали об этом, молчали до тех пор, пока я не вернулся домой в тот роковой день. Потребовалось много подавления, чтобы я не кричал о том, что у меня на уме.

Я стану старшим братом.

В этом не было ничего нового, так как в прошлой жизни у меня были братья и сестры (хотя мы не были так близки, только моя младшая сестра настаивала бы на том, чтобы я был с ней каждый день). Как и в прошлой жизни, я был старшим, и обычно все обязанности должны были быть возложены на меня - но все мы росли с серебряной ложкой во рту.

У каждого из нас были свои личные горничные, дворецкий назвал это. Мы росли в богатой семье, ну, мои братья и сестры были. До того, как мои младшие брат и сестра пришли к живым, моя семья жила на хвосте нашего знаменитого фамильного имени.

Говоря словами, мы были на самом дне, мы просто висели на волоске, пытаюсь выжить, как наследник главной семьи, старший брат моего отца, попирая образ нашей семьи, возлагая вину на моего отца за каждую сделанную им грязь.

Конечно, так как мне до сих пор не хватало ума что-либо понять в то время, и я, казалось, стер память с его ничтожности, эту историю мне рассказала мама, когда мы получили все, когда преемник умер неизвестно откуда. После этого мой ублюдочный отец взял верхушку главной семьи, создав компанию для ее преемственности.

Это хорошо, я знаю... но я чувствовал, что мы не заслуживаем такой жизни.

Хватит жить прошлым - мне нужно смотреть вперед на эту новую жизнь. Много идет к моему согласию, что на самом деле плохо, так как все вернется в худшем случае, по крайней мере, по моему опыту. Удача обычно заканчивается, и невезение растет.

Удача, над созданием которой упорно трудились, скоро рухнет, как ни в чем не бывало.

Это как змеи, если смотреть под другим углом. Иногда рептилия может выглядеть захватывающе, но змеи все равно змеи - они все равно будут кусаться, как бы они ни были приручены. Удача относится к таким змеям - они могут выглядеть так, как будто все с тобой, но, как я уже говорил, все это тебя укусит.

Не то, чтобы в этой жизни еще была логика, я думаю.

Я вздохнул, когда укусил красную фасоль онигири каа-сан, приготовленную для меня на обед. Пикантное сладкое угощение заставило все мои пессимистические мысли исчезнуть.

"Я собирался спросить, почему у тебя такое длинное лицо, но теперь его нет, да?" Какаси сел рядом со мной, схватил два онигири из моей коробки бенто, бросил один Карасу-нийсану. "Кайя-ни-механик точно знает, как заставить улыбнуться своим угощением". Он улыбнулся.

"Угу." Я кивнула, когда отняла у него взгляд на мой обед.

Этот дядя не любит сладости, жареную еду или что-то в этом роде, но он любит все, что делает Каа-сан. Сладкие пирожные, к простым, но вкусным блюдам - назовите это, и Какаши, наверное, приедет туда в одно мгновение, чтобы съесть это. Вот какой он.

Я оглянулся на него, когда он натягивал маску, чтобы прикрыть лицо. "Как всегда..." Я скучно смотрел на него, прежде чем выпустить немного молчаливого смеха.

Он поднял на меня бровь, наверное, думая, что я сошла с ума или что-то вроде того.

Я просто покачала головой и откусила от сладкого ланча. "Как думаешь, что будет с ребенком?" Я спросила своим маленьким голосом.

"Племянница была бы милой." Он посмотрел вверх, чтобы увидеть голубое небо: "Но что бы ни выбрала судьба, я буду любить их так же сильно, как люблю тебя, мой милый маленький племянник".

Слишком сырно - я не выдержу.

После минуты отвращения я посмотрела с ним на небо. "Сестра... была бы милой..." Я бормотал про себя.

Может быть, это и не похоже на то, что я отрицаю со своей младшей сестрой из моего прошлого, когда я был тогда еще жив, но я скучаю по всем ее проказам и сладостям. Возможно, именно она побудила меня использовать мои таланты задолго до того, как появился кто-то особенный. В конце концов, она была моей младшей сестрой.

Винна была моим светом.

"Хм?" Я слышал хмыканье моего дяди. Я хорошо знаю, что он слышал то, что я бормотал раньше, благодаря его усиленным чувствам, но я не знаю, почему он решил закрыть на это глаза.

Я покачал головой, аккуратно упаковывая коробку бенто, перед тем, как поместить ее внутрь пломбы хранилища. Я убрал ее в сумку перед тем, как встать, растянув спину после того, как они заболели во время тренировки ранее в этот день.

"Мы закончили довольно рано, Ори-кун." Какаши сказала мне, что и вставая. "Почему бы нам не прогуляться?" Он улыбнулся, проходя мимо меня, чтобы взять инициативу в свои руки. Даже не посмотрев, он помахал рукой: "Пойдём, Ори-кун. Ты тоже, Карасу."

Я хотел спросить, куда мы идём, но меня это не так уж и беспокоит. Мы редко едем туда, где это не связано с тренировками, так что, на самом деле, это довольно мило, минус взгляды, которые мы получаем от гражданских, потому что, опять же, кто не стал бы делать двойной дубль, когда рядом с ребенком идет человек в маске птицы?

Назовем это прогулкой или как там его, это должно быть мирно. Так и было, пока к нам не побежала размытость - с ее знакомой чертой в поле зрения.

"Хаха! Прогулка в молодости, я вижу!" Парень похлопал (шлепнул) плечо моего дяди. Отходя медленно, чтобы меня не заметили, я замерла, когда он позвал меня: "А! Твой юношеский племянник тоже здесь!" Он подошел ко мне и взял меня за руки, прежде чем начал их пожимать: "О, я так счастлив, что ты меня приветствуешь!"

"Я даже не..." Я уехал, увидев, что это бесполезно.

С этим мы взяли с собой Гая в нашу якобы мирную прогулку. Раньше это было не так утомительно, но сейчас, видеть его с лучами солнца - это утомительно.

Я прошел мимо Карасу-нийсан, сразу за двумя соперниками.

Это мое самое безопасное место, чтобы не попасться на их разговор и не растаять со всей этой энергией. На самом деле я не асоциальный, но когда вокруг энергичные люди, я очень легко освобождаюсь от них, поэтому я стараюсь избегать их, даже если они милые. На самом деле, интроверт, возможно, лучше описать себя, потому что в целом меня устраивает небольшая группа людей, окружающих меня.

Подожди...

Это может быть из-за моей крови Нары... но опять же, я такой со своей прошлой жизни, так что...

Я сорвался с мыслей, когда наткнулся на спину своего дяди. Потирая нос, я сделал шаг назад и собирался что-то сказать, когда какой-то предмет попался мне на глаза.

"Упс-ген, Какаши-кун..." Хунин покачал головой, пытаясь поднять тяжелый предмет с помощью еще четырех ниндзя-чуунинов или типа того. "Владелец не хочет, чтобы мы поместили его в пломбу хранилища..." Он полупрошептал. "Хотя, я думаю, рано или поздно он от этого избавится, мы не знаем, почему он до сих пор об этом заботится." Он неловко смеялся, двигаясь вдоль и поперек нашего пути.

"Выглядит грустно..." Я бормотал, понимая, что уже сделал шаг вперед, чтобы увидеть, как они уносят пыльный рояль.

"Пианино уносит?" Какаши взглянул на меня.

Давненько я не видел знакомого мне инструмента. Я видел несколько традиционных японских инструментов, а некоторые даже разбросаны где-то в доме, но до сих пор я никогда не видел здесь пианино. Я просто думал, что их не будет, но я предположил, что это неправильно.

Эти слова просто выскользнули у меня изо рта. Я думаю, что... моя любовь к музыке все еще где-то внутри меня.

"Кажется, кто бы ни был владельцем, они пытаются избавиться от нее..." Какаши улыбнулся мне своим глазом, "...хочешь посмотреть?"

Я знаю, что он был милым и всё такое, но увидеть пианино, которое появилось из ниоткуда... Я вздохнула, глядя на свои пальцы, когда они начали чесаться, прежде чем оглянуться на него с неуверенной улыбкой. Честно говоря, я бы с удовольствием... но зачем он хочет, чтобы я увидел бедный инструмент?

"Тогда пойдем за ними". Мой иногда садистский дядя сказал в теплом тоне, взяв мою левую руку, когда мы шли бок о бок.

Иногда я не понимаю, что у него на уме... но я все равно следовал за ним. Может быть, это было из любопытства, или, может быть, из-за моей любви к музыке - так что я очень хотел узнать, какая судьба постигнет меня на столь ухоженном пианино, которое несут четверо джоунинов.

Мы прибыли на открытую площадку, полную зелени и цветов. Хунин и его команда разместили пианино в квартире и подняли поляну, как будто они берут шедевр на своё последнее пристанище. Мы стояли на расстоянии вокруг пыльного пианино, размышляя о том, что будет после того, как они его опустят.

Я посмотрел на Какаши, который всё ещё держит меня за руку, как дядюшка, и улыбнулся ему маленькой улыбкой. Может быть, мне слишком стыдно говорить это вслух, но эта сцена, безусловно, прекрасна.

"Грустно, правда?" Хриплый и трясущийся, но тёплый голос появился из ниоткуда, заставив всех нас взглянуть на хозяина тона. "Отпустить столь любимое сокровище - тяжело."

Человек, ступивший вперед с этими словами, посмотрел на свои шестьдесят с тростью, морщинами, разбросанными по всему телу, и седыми лохматыми волосами. Его квадратные очки определили его печальные карие глаза, которые смотрели на старое пианино. Он

выглядел так, будто мог бы быть кем-то, кто мог бы играть на этом инструменте, но зачем ему отказываться от него сейчас?

Он оглянулся на нас и склонил голову: "Прошу прощения, что не представился - меня зовут Клавье Рукас". Затем он улыбнулся нам с благодарственной улыбкой: "Я немного тронут тем, что некоторые решили увидеть этот день. Я не ожидал увидеть никого, кроме тех четырёх с добрым сердцем шинобу, которые приняли мою просьбу".

"С удовольствием, Клавье-сан." Какаши поклонился, и, конечно, мы тоже (под "мы" я подразумеваю себя, Гая и Карасу, а также группу джунинов).

Старик нам пока ничего не сказал, но все мы почувствовали запах происходящего. Он подошел к пианино с мягкой улыбкой, скользя пальцами по покрытым пылью клавишам. Он взял табуретку с верхней части фортепиано и поставил её перед указанным инструментом, прежде чем сесть на неё после, отрегулировав, конечно же, её.

"Я знаю, что вы на самом деле не знаете этого старика, но я здесь, чтобы увидеть это пианино в последний раз... хотя этот умирающий человек хочет услышать музыку из этого в последний раз." Его одинокий тон достиг наших ушей, и никто не осмелился говорить, так как мы не знаем, как с этим справиться.

Ну, я мог бы, но...

Когда я смотрел вниз, я чувствовал, что глаза устремлены на меня, заставляя меня смотреть вверх и видеть глаза старика. Я мог поклясться, что они мерцали в другом цвете, но для меня это было слишком быстро, чтобы поверить себе. "Твои глаза ярко сияют страстью..." Он говорил и улыбался: "Твои соблазнительные глаза говорят обо всем".

Глаза - это окна наших душ, да?

"Почему бы тебе не присоединиться ко мне..." Он похлопал пространство рядом с ним.

Я посмотрел на своего дядю, который только кивнул и похлопал меня по голове, как будто он знал, что я так сильно хочу играть драгоценную вещь.

Я не знаю, почему, но я чувствовал себя очень взволнованным, как я приблизился к пыльному, черному пианино. Старик поднял меня и заставил сесть ему на колени, видя, что я действительно не мог дотянуться до клавиш, когда они подстраивались под него. Он быстро сдул пыль с крышек и поднял их, открыв блестящие черно-белые клавиши.

"Белые клавиши - это всего лишь пустые страницы, которые заполняются музыкой и желаниями..." Он вдруг заговорил, когда улыбнулся мне, "...и черные - это те, которые спасут твою музыку от их недостающих частей".

Я вроде как понимаю его глубокие слова, но я знаю, что за этими простыми словами скрывается нечто большее.

Затем он засмеялся, положив левую руку на клавиши спереди, "Это то, что сказал мне мой сын".

Я сузил глаза, когда смотрел на его руки, услышав его слова. После этого он не сказал ни слова, а вместо этого начал играть.

Я никогда не знал, что такая мелодия может существовать в этом мире - в конце концов, композитор "River Flows in You" пришел из мира, в котором я жил задолго до этой жизни. Скорость старика была медленной, но переполнялась разными эмоциями. Сожаление, печаль, содержание и любовь наполняли мелодию, когда он нажимал на клавиши.

Не думая о последствиях, я действовал сам по себе и положил правую руку на клавиши, соответствуя его темпу и наполняя песню своей симпатией к этому старику. Прошло столько времени с тех пор, как я играл на пианино, поэтому я признаю, что немного заржавел из-за того, что у меня не было возможности играть на нем до сих пор. Но так как это была также любимая сочиненная мной сестра, конечно, я не могу забыть об этом.

То, что можно было видеть в минутах, как в секундах, когда я играла на пианино. Поэтому, когда все закончилось, я вернулась к этой реальности только после того, как услышала мягкий кашель, который доносился из маленькой группы, наблюдая за тем, как мы играем на инструменте.

Смех заставил меня оглянуться на старика: "У меня никогда не было дуэта с тех пор, как случился тот "роковой" день, бозу". Его улыбка скрывала печаль за его тоном.

"Я больше поражен тем, как один человек не воспринимал меня как девушку, на самом деле. Я внутренне хихикала, позволяя ему взъерошить мои грязные волосы.

Вскоре после этого старик сопровождал меня обратно к нашей маленькой аудитории, которая серьезно давала мне вопросительные взгляды, когда мы к ним приближались. Холодный пот бежал по лбу, когда я подошёл к чучелу, любопытно, о чём он спросит после всего этого, так как игра на инструменте "новый" для моих глаз - это зрелище.

Мой дядя просто уставился на меня с закрытыми глазами и похлопал меня по голове, прежде чем лениво положил руку мне на плечо. "Я спрошу позже". Он прошептал в тоне зеркального любопытства.

После короткой беседы наша группа, наконец, попрощалась с группой джунинов, которая позже ушла за нами, и со стариком Клавьером, так как солнце уже садилось на расстоянии. Какаши, Карасу-нии и я слишком хорошо знаем, что как только солнце полностью зайдет, у нас будут большие неприятности, так как Каа-сан дома и, наверное, уже ждет нас.

Мы расстались с соперником чучела незадолго до того, как добрались до леса Нара.

Мы были в ужасе от того, что в наших мыслях появилось разъяренное изображение моего господина Каа, которое заставило нас ускорить наш темп - меня носил на спине Карасу-нийсан, чтобы не замедлить наш темп. Мы действительно не ожидали ничего серьезного после этого, но казалось, что наша наивная сущность вызвала единственную жизнь, которая наступила после этой ночи.

Его уставшие глаза затуманивались, когда вдалеке исчезала его добрая публика. Он действительно не знал, что сможет еще раз сыграть на фортепиано перед тем, как оставить любимое пианино в покое, но этот маленький ребёнок просто пробудил в нём интерес к одному взгляду.

Он вздохнул, надев очки, которые взял из внутренних карманов.

Клавье был глубоко благодарен беловолосому мальчику за то, что он снова позволил ему играть. Мальчик просто зажег что-то внутри себя, что напомнило ему времена, когда он играл на пианино для своего любимого сына. Он думал, что юноша напоминает страсть сына к музыке, и его сын тоже был в возрасте юноши, когда он начал играть на прекрасном инструменте.

Очень жаль, что после всей этой любви сын влил в свою горячую страсть к музыке, все это также разожгло жадность к власти и статусу. Четыре года назад он потерял любимого сына из-за жажды власти, живущей в его запятнанной душе.

"Сегодня ему было бы двадцать..." Клавье вздохнул от мысли.

Почти мгновенно он замер, услышав звук угрожающей мелодии, исходящей от эха скрипки на цветущей равнине. Для некоторых она могла быть услышана как прекрасная мелодия, но некоторые могли услышать проклятую мелодию запретной пьесы, и старик был одним из тех, кто слышал проклятую истину.

"Он уже умер". Клавье сказал в холодном, но печальном тоне. "Зачем тебе приходить?" Он спросил приближающуюся к нему фигуру, посылая ему свой ледяной блик, чтобы он мог собраться.

Мелодия внезапно остановилась, когда фигура в белой маске, приближающаяся к старику, приостановила его действия. Опустив свой инструмент, он исчез на том месте, где был раньше, и вновь появился, сидя на рояле с правой ногой на левой, где его инструмент нигде не виден.

Казалось, что при ближайшем рассмотрении на маске человека в маске что-то выгравировано,

но глаза старика не подходят для того, чтобы разглядеть такие замысловатые детали.

Клавье просто вздохнул, отводя взгляд от маски и на глаза белому человеку в маске. "Ксавье умер. Его здесь больше нет". Он заявил, горький от того, что тот, что перед ним, хихикал над его заявлением.

"Почему вы не должны принять правду?" Человек в белой маске закатал белые рукава, показывая наручные часы, застёгнутые на левом запястье. "Время подняться уже пришло. Такой старик, как ты, не смог бы спасти этот проклятый мир."

"Может быть, не мне спасать эту заброшенную землю, - остановился Клавье, пробегая пальцами по клавишам пианино перед ним, - но одна тень может уничтожить желаемые страницы."

"Хм..." Человек в маске напевал на паузу при внезапной мысли. "Я смотрел..." Он следил, глядя на тикающие часы на запястье, "...ты, кажется, обожаешь некоего молодого мальчика".

"Его глаза горят от страсти, которая... похожа на ту, что уже прошла через радости и несчастья в жизни... но в таком юном возрасте, это не должно быть в его глазах". Глаза, которые видели смерть, не должны быть в таком молодом и свежем человеке, как он". Клавье похвалил молодого пианиста.

"О?" Человек-декоративщик свернулся губами за маской: "Разве все это не звонит в колокол? Может быть, дежа вю?"

"Ксавье сильно отличается от тебя." Старик сказал в жало тон, полный ненависти и горечи, смешанной с жалостью и печалью.

"Но он... умер, верно?" Младший мужчина подчеркнул слово "смерть", звучавшее как можно более насмешливо.

Старик закрыл глаза, сжимая переносицу. "Он..." Он ушел, глядя на молодого человека перед собой: "Почему же такой человек, как ты, должен заменять его, как будто он ничтожество? Контролировать слабых своим имиджем так низко, Ши-кун."

Молодой человек вздрогнул от прозвища, прежде чем вновь обрести самообладание, положив руку в перчатке на маску: "Маски, как эта? Эти люди были просто в восторге от моей музыки. Мои прекрасные маски не имеют к ним никакого отношения."

"Смелое утверждение, исходящее от смелого человека." Старик хихикал, сжимая что-то дорогое из нагрудного кармана.

"Уэлп." Человек в маске спрыгнул с рояля после короткого смеха, выскакивая последнюю

букву своего последнего слова перед тем, как пропылесосить белые штаны. "Я знаю, что ты уже знаешь, зачем я здесь." Он пожал плечами, как трость внезапно появилась в его руках с пухом.

"Пусть эта последняя минута напомнит тебе о том, кем ты был раньше." Клавье улыбнулся, положив руки на пианино.

"Пфф..." Молодой человек засмеялся. "Ты смешной." Он начал быстро перебирать набор ручных печатей.

"Знаешь," Клавье открыл глаза и уставился на человека в маске, "Широ хорошо тебе подходит."

Молодой человек мгновенно остановился на фразе, которую он считал непреднамеренным каламбуром, потому что на нем белый костюм и все такое, перед тем, как закончить с печатями. "Прощай, старик".

Мерцание красного пламени пронеслось по телу пианино, захватив в ловушку доброго старика посередине с его дорогим инструментом.

Широ, человек в маске, укусил его за губы, когда он повернулся и ушел со сцены, прежде чем сделать паузу, как мелодия достигла его ушей. Казалось, что старик играет на пианино, ждет своей смерти и поглощает его... но эта музыка сильно напомнила молодому человеку то, что уже должно было быть забыто.

Он медленно угасал в пыли, когда старик был поглощен бушующим пламенем. "Ты худший... попс".

<http://tl.rulate.ru/book/24919/818338>